

Коровкина Наталья Владимировна
Башкирский государственный университет,
г.Уфа, Российская Федерация
korovkina-natalya@list.ru

Этническая, конфессиональная и региональная идентичности в структуре гражданской идентификации жителя поликультурного региона: динамический аспект (на примере Республики Башкортостан)³⁸²

Аннотация. Статья раскрывает некоторые результаты социологического исследования об особенностях идентификации жителей полиэтничного региона (на примере Республики Башкортостан). На основании данных авторских исследований 2012, 2015–2016 и 2019 гг. анализируется состояние этнической, конфессиональной и региональной идентичности. Гражданская идентичность представлена как многоуровневое образование. Обоснован поликультурный характер российской нации.
Ключевые слова: гражданская идентичность; региональная идентичность; локальная идентичность; этническая идентичность; конфессиональная идентичность

Korovkina Natalya Vladimirovna
Bashkir State University,
Ufa, Russian Federation
korovkina-natalya@list.ru

Ethnic, confessional and regional identities in the structure of civil identification of a resident of a multicultural region: dynamic aspect (on the example of the Republic of Bashkortostan)³⁸³

Abstract. The article reveals some results of a sociological study on the features of identification of residents of a multi-ethnic region (on the example of the Republic of Bashkortostan). Based on the data of the author's research in 2012, 2015–2016 and 2019, the state of ethnic, confessional and regional identity is analyzed. Civil identity is represented as a multi-level education. The multicultural character of the Russian nation is proved.

Keywords: civil identity; regional identity; local identity; ethnic identity; confessional identity

Республика Башкортостан, как и Россия в целом, является полиэтничным и поликонфессиональным регионом. По результатам переписи 2010 г., в республике преимущественное проживают представители трех этнических групп: русские (36,1 %), башкиры (29,5 %), татары (25,4 %), – и около 9 % составляют другие национальности. Это обстоятельство привлекает особое внимание исследователей к

³⁸² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Исследовательский проект № 19-011-00339 «Ценности и практики этнической социализации в разных типах межнациональных семей в условиях модернизации и полиэтничности российского общества»).

³⁸³ The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Research project № 19-011-00339).

вопросу о межэтнических и межконфессиональных отношениях, особенно в контексте обращения к проблеме укрепления гражданской нации. Согласно концепции множественной идентичности, одним из проявлений которой является многоуровневая идентичность, этническая и региональная идентичности не исключают друг друга, а, напротив, образуют единое целое, выстраиваясь в структуру гражданской самоидентификации.

З. А. Жаде в российской идентичности выделяет следующие уровни: этнический, региональный, национальный, геополитический и цивилизационный [Жаде, 2016]. Е. С. Куква утверждает, что этническая и локальная идентичности выстроены на основе горизонтальных связей, а гражданская и республиканская – вертикальных [Куква, 2018]. Идентификации индивида как представителя российской нации предшествует многоуровневый процесс соотнесения с общностью по ряду признаков: государственному (территориальная принадлежность), гражданскому, политическому, этническому, религиозному, культурному, историческому, экономическому, общности взглядов, менталитету и др.

Д. В. Григорьев определяет гражданскую (российскую) идентичность как отождествление человека с российской нацией, осознание себя россиянином, ощущение причастности к прошлому, настоящему и будущему российской нации [Григорьев, 2015]. А. Г. Асмолов раскрывает категорию гражданской идентичности через «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе» [Абросимова, 2014: 42–45]. С. В. Рыжова рассматривает государственную идентичность как осознание принадлежности к определенному государству, имеющему территориальные границы, а гражданскую – как осознание причастности к политическому сообществу [Рыжова, 2011: 20].

Обратимся в этом контексте к некоторым результатам исследований, проведенных авторским коллективом в Республике Башкортостан в период с 2012 по 2019 гг. В 2012, 2015–2016 и 2019 гг. были проведены опросы местного населения Республики Башкортостан методом стандартизированного интервью по проблемам межэтнических отношений и формирования гражданской идентичности россиян. Объем выборки составил в 2012 и 2015–2016 гг. 1000 человек, в 2019 г. – 751 человек, выборка многоступенчатая.

Результаты опросов 2012 и 2019 гг. подтвердили значимость принадлежности к примордиальным общностям («семья» и «родственники»). В 2012 г. респонденты несколько чаще указывали на локальную, этническую (80 %) и конфессиональную (67 %) идентичности, чем на региональную (64 %) и российскую (62,5 %). Опрос 2015–2016 гг. выявил актуализацию одновременно трех уровней идентичности: этнической (68,6 %), региональной (64 %) и государственно-гражданской (62,5 %). В 2019 г. значимость общности «жители населенного пункта» в разной степени признали 72 %,

«жители региона» – 64,9 %, «россияне» – 65,6 %, «представители национальности» – 58,1 %. Сравнение результатов опросов местного населения Республики Башкортостан за период с 2012 по 2019 гг. демонстрирует актуализацию у жителей полиэтничного региона локальной, региональной и государственно-гражданской идентичностей. На протяжении всего периода исследования наблюдается признание респондентами, в первую очередь, локального уровня идентичности и снижение актуализации этнической идентичности.

В 2012 г. 56,8 % респондентов заявили, что готовы принять в качестве члена семьи представителя любой национальности. 35,6 % опрошенных согласились с тем, что межнациональные браки разрушают народ, а 26,9 % – частично согласились. При этом более 40 % семей являлись моноэтническими, в каждой третьей проживали представители двух этносов, а каждая пятая семья включала три или четыре этноса.

Желают иметь среди друзей людей разных национальностей около 70 % респондентов. Несколько больше согласны с тем, что этническая принадлежность не имеет значения в повседневном общении. В качестве источника неприятностей общение с представителями других этносов рассматривает каждый четвертый опрошенный и еще столько же частично согласны с данным утверждением.

Приведенные выше данные говорят о том, что установку на этноизоляционизм в той или иной степени можно наблюдать примерно у каждого третьего опрошенного. Люди в большей степени готовы принимать представителей других национальностей в качестве друзей, чем как члена собственной семьи, и в целом оценивают свою этническую группу как высоко значимую общность принадлежности.

В опросе 2015–2016 гг. каждый третий респондент заявил, что ощущает себя в большей степени россиянином, чем представителем своей национальности; почти половина опрошенных отмечают значимость обеих идентичностей и 16,7 % ставят на первое место этническую идентификацию. В некоторых случаях респонденты отвергли обе идентичности (4 %). В 2019 г. по сравнению с 2016 г. увеличилось количество респондентов, воспринимающих национальную общность как формальность (с 22,8 % до 29,3 %), и, напротив, заметно снизилась доля опрошенных, не представляющих себя вне этой группы (с 20,6 % до 9,8 %).

Обратимся к вопросу о конфессиональной идентификации жителей поликультурного региона. Конфессиональная идентичность – это результат соотнесения себя с определенным религиозным течением или конфессией. Исследователи полагают, что религиозная идентичность может становиться маркером этнической идентичности [Мчедлова, 2017: 335–339].

В 2016 г. каждый пятый опрошенный (21,2 %) заявил, что не представляет себя вне группы «люди моей религии»; для 18 % общность имеет большое значение, хотя они могут представить себя и вне этой группы; каждый четвертый (24,8 %) согласился с утверждением, что религиозная принадлежность имеет для него значение, но не

самое важное. Примерно столько же (26,6 %) оценивают религиозную общность как простую формальность; почти каждый десятый (9,4 %) испытал затруднения в оценке значимости своей религиозной принадлежности.

В результатах опроса 2019 г. существенные изменения мы можем наблюдать лишь по варианту ответа «я не представляю себя вне этой группы» – так ответили 11,5 % опрошенных. Высоко оценивают значимость религиозной общности, но могут себя представить вне этой группы еще 17,1 % респондентов. Не самое важное значение религиозная идентичность имеет для 28,5 % респондентов. Почти для каждого третьего (30,5 %) в 2019 г. религиозная принадлежность являлась простой формальностью. Вновь выросла доля опрошенных испытывающих затруднения в оценке своей религиозной принадлежности (12,4 %).

В 2016 г. 43,7 % выразили мнение, что религиозные различия не влияют на состояние российского общества, в то время как 29,9 % оценили их как источник взаимного непонимания и недоверия, а 12 % – взаимной вражды. 14,4 % не смогли дать ответа. В 2016 г. лишь 11,7 % опрошенных указали на религиозные конфликты как на волнующую их проблему, в то время как межнациональные противоречия обозначили 19,6 %. Наиболее волновали жителей республики рост цен на товары и услуги (73,4 %), рост безработицы (59,2 %), кризис системы ЖКХ, рост коммунальных платежей (57,2 %), коррупция в органах власти (44 %), ситуация в социальной сфере (39,1 %), преступность (36,4 %) и др.

Таким образом, этническая, региональная и локальная идентичности могут быть рассмотрены как уровни гражданской идентификации россиян. В период с 2012 по 2019 гг. отмечается усиление гражданской идентичности и снижение актуализации этнической идентичности. Поликультурность, по мнению жителей полиэтнического региона, не является основным фактором дезинтеграции российского народа, однако респонденты осознают, что проживание большого количества представителей различных культур на одной территории является потенциально конфликтным. Опрошенные полагают, что общая история и территория формируют единые ценности как неотъемлемый компонент культуры.

Библиографический список

Абросимова К. А. Анализ сущности понятия «гражданская идентичность» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 5. С. 42–45.

Григорьев Д. В. Школьная идентичность ребенка: поворот к ответственной воспитательной политике // Российско-американский форум образования: электронный журнал. 2015. № 7 [Электронный ресурс] // Российско-американский форум образования: [веб-сайт]. URL: <http://www.rus-ameeduforum.com/content/ru/?task=art&article=1001146&iid=23> (дата обращения: 05.06.2017).

Жаде З. А. Российская идентичность как многоуровневая структура [Электронный ресурс] // Ростелеком: [веб- сайт] URL: http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm#_ftnref2 (дата обращения: 02.08.2016).

Куква С. Е. Общероссийская идентичность в полиэтничном регионе [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: [веб- сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obscberossiyskaya-identichnost-v-polietnichnom-regione> (дата обращения: 11.12.2018).

Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 335–339.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М., 2011. 280 с.